

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации **Зубова Артема Александровича** «СТАНОВЛЕНИЕ ПОПУЛЯРНОГО ЖАНРА КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ПРОЦЕСС: НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

А. А. Зубов обратился к феномену популярной литературы – модному и несомненно **актуальному** предмету литературоведческих, социологических и междисциплинарных исследований. Во *Введении*, диссертант поставил и обосновал как актуальную следующую задачу: рассмотреть дискурсивные механизмы становления и формирования одного из жанров популярной литературы. Для достижения своих целей он последовательно – исторически и феноменологически – рассмотрел все понятия, к которым отсылает название работы: «дискурсивное сообщество», «жанр» и «научная фантастика». Эти понятия подробно, логично и критически изучены в Первой, теоретической, главе «*Становление литературного жанра: возможности описания и исследования*» и по мере необходимости отрефлексированы и в последующих главах. Выбор и обоснование *метода* диссертационного исследования произведен тщательно и вдумчиво, объем изученной библиографии более чем достаточен и обоснован: это теории Ж.-М. Шеффера, М. М. Бахтина, Н.Л. Лейдермана, В.И. Тюпы, Х.-Р. Яусса, Дж. Ридера, Суэйлза и др.

В теоретической главе также предложен обзор многочисленных попыток поставить и решить проблему жанра в рамках фантаствоведения. Освещение библиографии и здесь вполне удовлетворительно. Однако трудно согласиться с тезисом диссертанта о том, что фантаствоведение является «относительно молодой отраслью гуманитарного знания». Разумеется, ее возраст не столь древний, как возраст жанрологии в целом. Но во всем мире фантаствоведение уже давно стало устоявшейся институализированной сферой исследований. Специальные работы, например, посвященные такому жанру, как готика, выходили с начала 20 века. Статьи и книги по теории НФ исчисляются тысячами. Каждый жанр фантастики, а не только science fiction, удостоился не только прекрасных объемных энциклопедий, но и учебных программ, преподаваемых в самых почтенных университетах. Что до поиска таксономических признаков и попыток наиболее точно и емко определить, что такое научная фантастика, – то это в своем роде бесконечный квест, занятие отнюдь не пустое, хоть и несколько авантюрное.

Апеллируя к семиотическим, точнее, к «прагматическим» теориям, А. А. Зубов показал весьма впечатляющий и убедительный пример того, как найти выход из проблемы синхронии и диахронии, столь болезненной для жанрологии и генеалогии. Говоря о прагматике произведения или шире – жанра, можно, опираясь на теорию речевых актов, делать акцент на намерении автора, на коммуникативной цели конкретного текста, выполняющего ту или иную жанровую задачу, или на коммуникативной цели группы текстов, которые и составляют жанр. Я придерживаюсь именно такой позиции, совмещающей эссенциалистский и структурно-семиотический подходы. А можно, опираясь на Витгенштейна, заявить, что жанр это своеобразная литературная игра, коммуникативный акт, в котором производятся тексты, публично обозначаемые «жанровым именем», а их смысл определяется некими общими правилами. Возникает правомерный вопрос: что первично – жанр или «жанровое имя». Сообщество творцов/потребителей научной фантастики не ограничено сообществом современников писателей-фантастов. Следовательно, наполнение «жанрового имени» будет в каждый момент иным. Диссертант умело отстраняется от диахронической стороны вопроса, погружаясь вместо того в содержание конкретного синхронического среза. Он избегает рассуждений о «памяти жанра» и противоположения синхронической и исторической поэтик. И правильно делает!

В Первой главе остался почти незатронутым следующий аспект дискурсивного процесса становления, утверждения и развития жанра: «нетривиальный сдвиг значения» в коммуникации, как обозначает этот феномен Ю.М. Лотман, рассуждая о непредсказуемой трансформации смыслов текста как смыслопорождающего устройства. Но зато в Третьей главе тезис о «нетривиальном сдвиге значения» (правда, без отсылок к классику тартуской семиотической школы) получил исчерпывающие конкретные исторические доказательства.

Во Второй главе *«Лаборатория жанра: дискурсное сообщество как фактор становления популярного жанра»* рассматривается опыт использования термина «дискурсное сообщество» в современной гуманитарной науке и перспективы его применения как аналитического инструмента в исследованиях жанрогенеза. Примером служит взаимосвязь между процессом формирования жанра научной фантастики в России рубежа XIX-XX веков и становлением поддерживающих его дискурсных сообществ – профессиональных, а также любительских научных обществ, возникавших на базе научно-популярных журналов. **Новизна не только предложенной темы, поставленной цели и исследовательского материала несомненна.**

Способ решения адекватен и остроумен. Диссертант сконцентрировался на продукции журналов издательства П.П. Сойкина. Отмечу сразу, что по мере чтения глав II, III и IV, вопрос о том, почему для анализа А.А. Зубов взял именно эти журналы, разрешается сам собой: это тот необходимый и достаточный материал, который лучше всего служит его целям. Он позволяет рассмотреть дискурсные сообщества, возникающие, как мы видим, исключительно на медийной основе, в сотрудничестве с журналами и издательствами. Именно журналы Сойкина обеспечивали циркуляцию научных знаний между средой ученых-профессионалов и сообществами любителей науки. Эти журналы и создали питательную среду для возникновения НФ и придания ей соответствующего «жанрового имени».

Третья глава «Уроки литературного чтения: формирование жанрового хронотопа» посвящена факторам, предопределившим появление научной фантастики как новой жанровой формации. Самым подробным образом рассмотрен процесс становления не только жанрового хронотопа научной фантастики, но и процесс становления практики критического, серьезного, **рационализирующего** прочтения научной фантастики. На мой взгляд, жанровой хронотоп русской научной фантастики в том виде, в каком она сложилась на рубеже 19-20 веков в журналах, сформулирован в диссертации остроумно, непротиворечиво и доказательно: это хронотоп воображаемого путешествия по бескрайним просторам знания.

И, наконец, в Четвертой главе «Обретение имени: механизмы жанровой номинации» диссертант анализирует все стороны процесса появления и институционализации жанрового имени «научная фантастика» в России с начала 1910-х по конец 1920-х годов на страницах журнала П.П. Сойкина «Мир приключений». Главными «агентами» этого литературного процесса, как оказалось, были преимущественно Я.И. Перельман, А.Р. Беляев и Е.И. Замятин. Отмечу, что *Приложение I* к диссертации вводит в научный оборот редкие и весьма интересные факты, касающиеся подробностей издательской деятельности Сойкина, а *Приложение II* – редкий текст Я. Перельмана.

Некоторые положения диссертации хоть и касаются литературных процессов и практики чтения на рубеже XIX-XX веков, но могут быть весьма успешно применены и к исследованиям аналогичной циркуляции научных и научно-фантастических идей в современном, в особенности сетевом, культурном пространстве. Массовое мифотворчество и порождение паранаучных, а также научно-фантастических текстов, подстегиваемое ошеломляющими научными открытиями, свидетелями которых мы являемся,

усиливается с каждым днем, не в последнюю очередь из-за параллельных и перекрестных явлений в сетевых журналах и социальных сетях. Здесь я вижу практическое значение рецензируемой работы и широчайшие перспективы для дальнейших исследований Артема Александровича Зубова.

Как и всякий крупный текст, диссертация А. А. Зубова не свободна от недостатков. Взгляд читателя то и дело натывается на орфографические ошибки или разные варианты написания одного и того же слова или имени. На странице 7 «социо-риторическое» написано через дефис, а на стр. 82 слитно. «Поджанр» должен писаться слитно (С. 50), равно как и «несовпадение» (С. 39) и «метаутопия» (С. 146). «В последствие» (С. 70), вероятно, заняло место слова «впоследствии». Иногда просто пропущены буквы, как в фамилии Сьювин. Из-за исчезнувшего окончания в дательном падеже: «фантастоведу Сьювин» (с. 6) этот крупнейший теоретик научной фантастики стал женщиной. Не повезло и С. Н. Зенкину, чья фамилия стала выглядеть как «Зенки». Порой отсутствует согласование между частями предложения, в особенности в пространных и весьма уместных и информативных постраничных комментариях. Дж Кэмпбелл стал Камбеллом на стр. 140. Сомневаюсь, что по правилам русской грамматики допустимо следующее управление у слова «атрибуция»: «акт атрибуции жанрового имени текстам» (С. 6 диссертации). Столь же сомнительна и фраза на стр. 149: «историческое жанровое имя атрибутируется тексту автором или издателем». Полагаю, что мы имеем дело с калькой с английского (“something is attributed to something by somebody”). Калькой является и слово “академики”, под которыми, имеются в виду отнюдь не члены Академии наук, а представители университетской науки. Что до объяснений слов “channel” и “canal”, возникших в связи с темой Марса, то их значения перепутаны. Первое слово означает природное образования, а второе – искусственное. Стилистически коряво выглядят словосочетания “представлять авторитет” (С. 55), “обиход употребления” (С. 75), “образование в достижениях прогресса” (С. 84), “решить проблему по распространению знания” (с. 87, “ходатайствовать за получение пенсии” (с. 135). Не может быть “предшественников” у “категории”, т.к. “предшественник” – это лицо, а не предмет.

Есть и незначительные фактические ошибки. 1. В комментарии на стр. 48 говорится: «изнутри фантастоведческого сообщества нередко выделяются две магистральные линии истории литературы: фантастическая (называемая в англоязычной традиции «the fantastic», или – с 2007 года по воле исследователя Джона Ключа – «fantastika») и реалистическая

(«миметическая») литературы. С этой позиции традиция фантастической литературы уходит корнями в далекое прошлое... ». Но вышеупомянутый Джон Клют, один из главных в мире авторитетов-фантастоведов, утверждает, что хронологию фантастики как таковой следует вести отнюдь не «с далекого прошлого», а примерно с 1800-го года. 2. Роман Бульвера-Литтона «Грядущая раса» назван «откровенно назидательным» (комментарий на стр. 107), в то время как никакой дидактики в нем не содержится. 3. На стр. 144 утверждается, что в основу представлений Уэллса о путешествии во времени лежала теория относительности. А между тем, роман Уэллса «Машина времени» написан за несколько лет до первой публикации релятивистских идей Эйнштейна в 1905 году! Идеи же его предшественника Пуанкаре, первым сформулировавшего принцип относительности для электромагнитных полей, весьма отличались от основных положений специальной теории относительности. Кроме того, «Машина времени» это преимущественно биологическая, евгеническая утопия, а не рефлексия о законах физики.

Перечисленные недостатки и возражения не касаются основных положений диссертационного исследования А. А. Зубова, богатого многочисленными ценными наблюдениями и остроумными концепциями. Диссертация представляется мне **самостоятельным, кропотливым научным трудом, актуальность, новизна, теоретическое и практическое значение которого не вызывают никаких сомнений.**

Диссертационное исследование Зубова Артема Александровича полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук (п. 9, 10 Положения ВАК Российской Федерации). Автореферат диссертации и опубликованные работы, в том числе и напечатанные в рецензированных изданиях, полностью отражают содержание диссертации, а автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

25 апреля 2016 г.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии и
перевода Филологического факультета СПбГУ

И. В. Головачева

Михаил Николаевич Толмачев
Удильников
ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ
С ПЕРСОНАЛОМ

А. Д. Свириденцева
25.04.2016

Сведения об оппонентах и составителе внешнего отзыва:

Головачева Ирина Владимировна (оппонент)

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и перевода филологического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11

8 (812) 328-08-42

igolovacheva@rambler.ru

Статьи:

1. К теории ghost studies: прагматика и типология «призрака» в литературном тексте // Мир, отраженный в слове. Сборник научных трудов, посвященный 80-летию профессора Е. А. Зачевского. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2015. С. 45-51;
2. Следует договориться о терминах: современные теории фантастики и фантастического// Вопросы филологии. Сборник научных статей (20). СПб., Издательство Политехнического университета. 2015. С.109-134;
3. О соотношении фантастики и фантастического // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. 2014. Вып. 1. С. 33-42.

Монография:

Головачева И.В. Фантастика и фантастическое: поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы. СПб., ИД Петрополис, 2013. 412 с.